

Чисто внешне он — нечто срединное между Влاديمиром Пуришкевичем, самым шумноречивым депутатом царской Госдумы, основавшим «Союз русского народа имени Михаила Архангела», и — Александром Третьим Миротворцем, императором российским. Дородный дядька с бильярдным черепом и каштановой бородою, в чьих генах — казаки и поморы.

Однако, будучи человеком широких пристрастий и, между прочим, знатоком французской иллюстрированной книги восемнадцатого века, он, по его собственному признанию, приходит в небывалый внутренний трепет, если видит в степи половецких истуканов. И тут тоже, оказывается, есть своя тайная генетическая привязка.

Он и сам в известном смысле слова — истукан. И когда к нему являются разного рода посланцы, которые подначивают: мол, пора бы уж, батенька, создать собственную партию! — пребывающий более двадцати лет в ядре русского национального движения, и мало того — считающийся одним из его воздуходувов, он не спешит с ответом. Истуканствует.

Умудрённость — его теперешний коренник. Дело прошлое, но точно так же, когда пузырилась Болотная площадь, он призвал своих сторонников, да и вообще всех здравомыслящих русских людей, не отзываться на звуки трясины. И оказался прав.

И пока Поклонная спорит с Болотной, что же считать определяющим — бытие или сознание, он решил для себя раз и навсегда и даже зафиксировал это в учебнике: бытие определяют отношения между этносами.

— Александр Никитич, в своих печатных трудах и публичных выступлениях вы нередко применяете термин «биосоциальная элита». Например: «В результате Октябрьской революции изведён цвет нации — 99 процентов биосоциальной элиты». Речь, очевидно, о потомственной элите? Но согласитесь: для современного сознания, не обременённого семи-коленной памятью, это словосочетание довольно экзотично!

— Элита — это, прежде всего, биологический термин. Когда мы говорим об элитных растениях или элитных животных, то имеем в виду образцовых представителей того или иного вида, которые

соединяют в себе наиболее ярко, отчётливо и оптимально все лучшие качества. Так же и у этносов. У русских есть то, чего, предположим, нет у китайцев. Это не происходит просто так. Благодаря селекции выведение вида достигается искусственным путём. В естественных условиях тоже происходит селекция: лучший тянется к лучшему.

Русский народ в течение тысячи лет производил свою элиту. Разумеется, естественным путём. Самые способные и инициативные шли в купцы, люди определённого склада ума и духа — в священники, люди воинской касты — в армию, где достигали заслуженного чина и получали дворянство. Тянувшиеся к знаниям становились интеллигенцией. Русский народ продуцировал из своего этнического и биологического состава представителей элиты. И она росла веками, всеми корнями связанная с породившим её народом, с его историей, верой, культурой и языком.

В тысяча девятьсот семнадцатом году эта традиция резко пресеклась. Два или три поколения воспитывались в отторжении своих корней. Нам говорили, что в царской России всё было плохо, а жизнь и история начались только с семнадцатого года. Ну и какую мы в итоге получили «элиту»?

Конечно, биологический процесс остановить нельзя. Всё равно селекция подспудно продолжалась. Но в обществе был запущен и механизм антиселекции. Потому что партократия в основном подбирала не самых талантливых, блестящих, смелых и продвинутых, а тех, кто соответствовал совсем другим принципам — верности идеям марксизма-ленинизма.

— А сегодня? Разве людей подбирают по принципам таланта, смелости и продвинутости? Мне вспоминается краткий верлибр живущего в Кисловодске поэта-дикоросса Станислава Подольского. Называется он «Те, кто выжил...».

*Вот уже Первые
вдаль ушли.*

*И Вторые пооканчивали
самоубийством.*

И Третьих

*поторопились выставить,
не расспросив как следует
обо всём...*

*Снова последние
в первых рядах
учат,
как жить охота.*

Поэтому я повторяю: «Снова последние в первых рядах...» Так что серые выигрывают и побеждают. Причём — на всех этапах российского социума.

— К сожалению, в значительной степени — да. Это продолжается и сегодня, потому что подобный тянется к подобному. И те, у кого нынче власть, — это вовсе не долгожданный свет в окошке...

— Вот вы сказали об «элите, всеми корнями связанной с породившим её народом». Но тогда, если следовать этой логике, получается, что у тех, кого сегодня числят элитой, — думских функционеров, олигархов, моделей, футболистов, звёзд шоу-бизнеса и всевозможных телеведущих — у них на поверку связь с народом-то нулевая? Тут, конечно, кто-то может горделиво откинуть головёнку: дескать, мы, Стас Михайлов, поднялись из самых низов!

— Вы знаете, из самых низов поднялся, допустим, какой-нибудь там Ежов — уж куда народнее? Он вообще был помощником слесаря, а стал наркомом внутренних дел. Из самых низов поднялись ещё многие палачи нашего народа. Но что значит быть связанным с народом?

Когда мы листаем историю боярских и дворянских родов, то сталкиваемся с таким фактом: мало кто из их выходцев умирал в своей постели. Все они шли на смерть за свой народ! Вспомните Бородинское сражение и знаменитого генерала Раевского. Он сам, будучи пехотинцем, шагал в бой и вёл с собой двух мальчишек — шестнадцатилетнего и четырнадцатилетнего сыновей. На пули. Вот это элита!

Да, может, он эксплуатировал крестьян. Может, когда-то прижал молоденькую крестьяночку в стогу сена. Но когда пришёл враг, Раевский встал в полный рост, чтобы идти в атаку. Даже злодей Малюта Скуратов — и тот погиб от татарской стрелы! То есть — защищая Отечество. А где ныне та элита, которая встанет на защиту своего народа? Покажите мне её, кто жизнью будет готов пожертвовать ради русских людей!..

— Но апологеты современной назначенной элиты могут предъявить вам контрдовод...

— Давайте!

— «А как же, допустим, Влад Листьев, Галина Старовойтова, Анна Политковская?»

— Все убиты из-за денег. Кроме Политковской, которая, по наиболее правдоподобной версии, пошла против Кадырова, за что и пострадала. Скажите: что такого сделали Листьев и Старовойтова для русских людей, чтобы заслужить

ненависть наших врагов? Ничего подобного: они сами находились в их стане. А Политковская, та вообще была отъявленной русофобкой.

— Тогда не кажется ли вам, что мы живём в стране подмен? И в результате как нация теряем собственную идентичность? Один мой знакомый рассказал смешную и одновременно грустную историю, связанную с последней переписью населения. Когда переписчики начали заполнять графу «Национальность», он, ничтоже сумняшеся, пред ставился: «Половец!» И сейчас не без шутейного пафоса заявляет, что он единственный половец в России...

— Пусть не обольщается! Перед вами сидит потомок половецкого рода.

— Стоп! Насколько я знаю, вы утверждаете, что Севастьянов — казак и помор.

— Половцы просочились в мои гены именно по казачьей линии. Вот так выглядели половцы (делает с помощью пальцев чуть раскосыми глаза): они были рыжебородыми блондинами, но с лёгким монгольским прищуром. Они оставили след не только в азовской степи, но и во многих народах. Например, в башкирах. И, безусловно, в донском казачестве. Я, когда вижу этих каменных половецких баб, у меня прямо-таки всё внутри закипает! Я чувствую, что это...

— «...мои бабы?»

— Да, мои! Потому что по бабке я — донской казак.

— Однако когда во время переписи люди представляются казаками, кержаками или поморами, то, с одной стороны, в том сквозит некая сословно-родовая гордость, а с другой?.. Чем чревата эта, на первый взгляд, вполне объяснимая и невинная подмена?

— В этой подмене заключена очень большая угроза. И я считаю, что в данном случае действуют силы, которые стремятся оторвать от русского народа его наиболее лучшие части — тех же поморов и казаков, семейских на Алтае, кержаков в Сибири или так называемых старожилов в Магаданской области. Это целенаправленная политика, которая уже привела к отрыву от нас малороссов и белорусов, а сегодня имеет под прицелом в первую очередь казачество как авангард русского народа.

Да, в казачестве могут быть своеобразные этнические подмеси. Из кого состояли, допустим, донские казаки? В основном из беглых людей с русских территорий. Но бежали-то мужики. Без баб. И шли потом за полонянками в Польшу, за ясырками на Кавказ и в Турцию.

— Кого привёл на хутор Татарский дед Григория Мелехова в «Тихом Доне»?

— Турчанку. А я вам могу сказать, что и мать Степана Разина была чистокровной турчанкой. Вспомним Азовское сидение казаков. Они выжили в Азове турецких мужчин и, само собой, оставили турецких женщин. И за шесть лет, пока турки обложили их кольцом и не давали выйти из Азова, наделали массу детишек. А когда противник вынужден был снять осаду, казаки забрали с собой из Азова городские железные ворота (они увезли их в Старочеркасск) и своих турецких жён и детей. Это было нормально.

Но вы мне покажите такого донского или какого угодно казака, в котором нет русской крови!

Казаки—это субэтнос русского народа. И когда мы сегодня узнаём, что во время переписи казакам было позволено именоваться как отдельному народу, я считаю, что это вражеская диверсия. И если это пойдёт крещендо, то есть—по нарастающей, через сто лет мы точно так же потеряем казаков, как потеряли белорусов, хотя генетически белорусы и русские—абсолютно один народ: никаких различий.

— Известно, что Александр Севастьянов—отец шестерых детей. При этом вы подчёркиваете, что все дети—от одной жены. Тут в пору взывать о введении отцовского капитала в пику материнскому, о котором наши политики говорят как о панацее. Но вы утверждаете: «Материнский капитал стимулирует рождаемость в основном не русских народов». С чем это связано?

— Материнский капитал, который должен был исправить демографический баланс в пользу русских, на самом деле усугубляет отрицательный демографический баланс. Нерусских становится всё больше и больше. Это объясняется в том числе и тем, что, когда этот капитал был введён, у русских уже была демографическая яма, минусовой прирост населения, а у многих народов России—плюсовой прирост. Например, у народов Северного Кавказа. Или—у тувинцев, которые вообще являются чемпионами рождаемости в России: в год—сорок человек на тысячу жителей.

Понятно, что если у нас сложилась традиция минусового прироста, а там—традиция прироста положительного, то задача материнского капитала усилит стимул рождаемости у тех, у кого уже работает этот фактор. Да, немножко, может быть, усилит и у русских, но в корне переломить ситуацию с рождаемостью русских мы не сможем.

Материнский капитал—это благо лишь в ближайшей перспективе, потому что данная конкретная семья будет жить лучше. А если мы посмотрим на картину в целом, то налицо демографический дисбаланс, который сегодня угрожает нам депопуляцией русских и снижением нашего удельного веса...

Ведь дело не только в абсолютных показателях. Абсолютные показатели, может быть, и вырастут. Русских детей станет больше. И это, конечно же, очень хорошо. Но относительный показатель—удельный вес русских в составе населения России—как падал, так и будет падать. А удельный вес—это определяющий фактор.

Упадёт, допустим, процент русских до пятидесяти—растащат Россию, разорвут и глазом не моргнут! Русские сегодня—это единственная скрепа нашей страны на всём пространстве от Владивостока до Калининграда. Вот почему по этой скрепе бьют сейчас со всех сторон.

— Когда я прочитал вашу книгу «Диктатура интеллигенции против утопии среднего класса», то нашёл подтверждение собственным мыслям: «Государство лабазников и чиновников,—пишете вы.—Прелестная перспектива!» И спрашиваете о том, из чего исходят наши власти, «вслух мечтающие о превращении российского общества на 60-70% в „средний класс“?!». Вопрос во многом риторический. Но всё-таки как для себя вы на него отвечаете?

— Дело в том, что средний класс—это политически инертные существа. У них главная задача—выжить. Они живут в «беличьем колесе». Я насмотрелся на Западе на этот самый средний класс. Они не знают отдыха и срока—не могут себе позволить после работы расслабиться, как расслабляется работяга после станка. Пришёл, выпил, сел за телевизор. А они с утра до вечера должны крутиться.

— Но ежели вспомнить Болотную, кто на неё вышел?

— Вот на Болотную как раз вышел тот самый средний класс, который почему-то возмечтал, что нечто такое можно сделать, чтобы перестать крутиться и зажить по-человечески.

— То есть оказывается, что средний класс может поднять голову?

— Может, но невысоко. Потому что когда он поднимает голову, то при этом не видит, кто его ведёт. Если бы средний класс был в состоянии открыть глаза и посмотреть, что он делает и кто его направляет, его бы озарило: а направляют-то его реваншисты-либералы! Если бы, не дай Бог, победила Болотная площадь, мы вернулись бы в самые махровые годы ельцинского режима. Вы полагаете, средний класс хоть на минуточку об этом задумался? Да никогда! Точно так же, как в тысяча девятьсот семнадцатом году: «А ну и что, что пришли социалисты? Они же—за бедных, за равенство, за свободу, за братство». И не разглядели, что на смену идут эксплуататоры гораздо более жестокие, чем свои помещики-капиталисты.

— *Ещё в двухтысячном году не кто иной, как Владимир Путин, в интервью журналу «Пари Матч» сказал о том, что Россия пережила годы позора во время чеченской войны. А по сути, сделал он акцент, «мы наблюдаем широкомасштабный геноцид русского народа». Я не думаю, что президент России мог оговориться.*

— Не мог. В две тысячи пятом году в Институте философии Российской академии наук нами была проведена конференция именно на тему «Геноцид русского народа в XX–XXI веках». На ней было примерно четыреста участников. Мы насчитали тогда четыре ступени геноцида русских. Первая— это Октябрьская революция с её последствиями большевистского террора. Вторая— Великая Отечественная. Третья— две чеченских войны. И четвёртая— это то, что с тысяча девятьсот девяносто первого года творили Ельцин, Гайдар и Чубайс с присными. Потому что из-за резкого ухудшения жизненных условий, из-за депрессии, в которую был погружён наш народ, утраты смысла жизни и цели существования, перспективы и надежд, отравления фальсифицированным алкоголем, наркотизации и криминализации населения, падения санитарно-гигиенического состояния нашего общества счёт жертв пошёл на миллионы.

Если взять Великую Отечественную, то на фронте погибло семь миллионов немцев и примерно девять миллионов русских. То есть наши военные потери сопоставимы с немецкими. Но общий счёт наших потерь— двадцать семь миллионов! Вычтите девять миллионов погибших на фронте, получится восемнадцать миллионов мирных жителей... Вот это и есть настоящий геноцид.

— *На тему Великой Отечественной, казалось бы, столько переговорено, но тем не менее не разгаданные вопросы остаются. Впрочем, зная ответы на многие из них, мы по-прежнему смотрим через привычный фильтр интернационализма. А если посмотреть без этого фильтра?*

— У меня вышла из печати книжка, которая называется «Победу не отнять». У неё есть подзаголовок: «Против власовцев и гитлеровцев». Хотя я и не военный историк, но стал заниматься этой темой потому, что апологеты первых и вторых (а таких за последнее время объявилось немало) весьма откровенно и настойчиво проводят мысль о том, что Гитлер нёс нам культуру и свободу. Кроме того, наше общество во многом до сих пор остаётся в плену у мифов, что мы боролись с фашизмом и нацизмом.

Это выглядит так: у нас в СССР была прогрессивная идеология, и вот эта прогрессивная идеология схлестнулась с реакционной идеологией Гитлера. Но вот характерная деталь: в течение десяти лет, предшествующих Великой Отечественной

войне, мы отправляли в нацистскую Германию продовольствие и сырьё. В ответ из Третьего рейха нам поставляли оборудование: станки и вооружение. В СССР приезжали немецкие специалисты, в том числе— по военному делу, которые нас консультировали, и мы, в свою очередь, консультировали их. И была прекраснейшая дружба, завершившаяся величайшим дипломатическим документом эпохи— пактом Молотова—Риббентропа. Поэтому о «войне с фашизмом» говорить не приходится. Можно подумать, если бы немцы шли к нам под знаменем антифашизма, мы бы открыли им объятия...

— *Так с кем же тогда была война?*

— Вы сами сегодня видите, что творится в мире. Скажем без преувеличения: США— агрессор номер один; мы это наблюдаем по поведению американцев на Ближнем Востоке, в Афганистане, в Ираке и Сирии (список можно продолжить). Но сами-то они утверждают, что несут миру «сияющий свет демократии»! Это вам ничего и никого не напоминает? И что же— мы будем верить словам, а не делам? Конечно, нет.

Поэтому ясно: это была не война идей и не война идеологий. Нам иногда говорят, что это была война двух строев— прогрессивного социалистического и реакционного капиталистического. Но и это тоже враньё. Потому что воевал союз социалистических республик с национал-социалистической Германией: социализм, каждый на свой лад, строили и СССР, и Германия. И в СССР, и в Германии действовала модель партократии. Причём сначала эту модель применили в России, потом— в Германии.

И вот эти две модели столкнулись, но это вовсе не было противостоянием двух принципиально антагонистических строев. Мало того, Советский Союз, будучи социалистической страной, заключил теснейший альянс с махровыми империалистами— Англией, Францией и США. То есть, с точки зрения марксизма, это был союз более чем противоестественный.

Поэтому нужно смотреть в корень и видеть за всеми этими формулами главную суть войны. Она состоит в том, что это была война этническая.

— *Иными словами, в ней отразилось противостояние двух этносов— германского и русского?*

— Я бы поставил вопрос шире: и славянского суперэтноса. Углубимся ненадолго в историю. Уже в четвёртом веке нашей эры славяне жили по всей Центральной и Южной Европе. Они граничили с современными Гамбургом и Данией. Крупнейшее и могущественнейшее славянское племя пруссов обитало там, где сегодня расположен Берлин, а недавно ещё находился Кёнигсберг— нынешний Калининград. Но сегодня вы не найдёте ни одного

прусса. Они полностью исчезли с лица земли, потому что были уничтожены или ассимилированы немцами.

И вот в четвёртом веке орды готов с Запада, предводительствуемые вождём Германарихом, прошли по южным окраинам славянской ойкумены и нанесли ей колоссальный урон. Они сметали всё на своём пути, убивали и порабощали славян и достигли Поволжья. Таким образом, известный лозунг «Дранг нах Остен!» берёт своё начало ещё тогда—в четвёртом веке нашей эры. В ходе этого продвижения германского этноса на восток многие славянские племена были стёрты с карты мира так же, как пруссы. Среди них—крупные племена бодричей и лютичей. Сегодня там земли Мекленбурга и Померании. Изначально православные чехи были порабощены и насильственно окатоличены.

И только в топонимике городов остались следы славянского присутствия: Нойгард—Новгород, Штаргард—Старгород, Бельгард—Белгород. Или—в именах: какой-нибудь там фон Ветрофф. Это славянское имя, которое онемечилось.

Во время Великой Отечественной мы сломали хребет вот этому вековому германскому давлению на славян и во многом развернули вспять результаты немецкой экспансии.

— Но когда наши редёющие на глазах ветераны войны смотрят парад Победы, у них в подкорке сидит: «Мы сломали хребет фашизму!»

— Да не говорят они так! Под каким девизом выходила «Красная звезда», главная газета, распространявшаяся по всему фронту? Это знает каждый ветеран: «Смерть немецким оккупантам!» Немецким, а не фашистским. И знаменитая статья тех дней Ильи Эренбурга называлась «Убей немца!». Не мнца, а не фашиста. И Демьян Бедный писал басни именно о немецких зверствах.

Теперь мало кто помнит, что в марте тысяча девятьсот сорок пятого года, когда освобождённые нашими войсками Чехия и Словакия объединились в Чехословакию и в честь первого её президента Эдварда Бенеша в Кремле давали приём, Сталин выступил с очень интересной речью. Он сказал, что нам сегодня необходим союз славянских народов против немцев. Мы, конечно же, разгромим Германию, но это сильный и талантливый народ. Пройдёт лет пятнадцать, предсказал Сталин, и он поднимется, и его агрессия снова будет направлена против славян. Сталин подчеркнул, что объединиться мы должны уже сегодня, чтобы предотвратить эту завтрашнюю агрессию. Как в воду смотрел.

Потому что после войны немецкая армия дважды обращалась к оружию. В тысяча девятьсот шестьдесят восьмом году—против чехословаков. И второй раз—против сербов в девятностые годы.

Оба раза военное давление со стороны немцев было направлено против славян.

И нужно ясно понимать, что было бы со всеми нами, если бы победили немцы. Есть замечательное исследование немецкого магистра Карстена Шульца о плане «Ост». Этот документ свидетельствует о том, что предполагалось сделать со славянами. Германская верхушка понимала, что подчинить просто так огромную территорию Польши и России невозможно. Речь шла об ассимиляции, об изгнании примерно сорока пяти—пятидесяти миллионов славян за Урал, о том, чтобы у славян снижалась рождаемость, потому что самую главную угрозу творцы плана «Ост» видели именно в ней...

— В наши дни—разумеется, после Маркса и Ленина,—Александр Севастьянов, наверное, один из немногих, кто в своих трудах внятно говорит о классах. Продолжая известную аналогию, вы ведёте речь о диктатуре интеллигенции. И даже утверждаете, что «решающей общественной силой, подлинным всемирным классом-гегемоном стала ныне интеллигенция». Иными словами, не прослойка, а именно гегемон?

— Я приведу простое сопоставление. Вот была последняя конференция КПСС, которая преподносилась как судьбоносная и определяющая. Сколько там наличествовало интеллигентов? Девятнадцать процентов. Потом состоялся первый Съезд депутатов СССР. Там уже их было двадцать четыре процента. Не так-то много. Примерно четверть от общего состава. Остальные—рабочие и крестьяне. А в сегодняшней Госдуме отыщете ли вы рабочего и крестьянина?

— Если поскрести, одним из последних ярко выраженных пролетариев там был Василий Шандыбин. Потом его сменил токарь Валерий Трапезников...

— Ну это же смешно! В общем, вы понимаете, как сдвинулась ситуация? Конечно, интеллигенция сегодня—это класс-гегемон. И мы от него полностью зависим. Именно поэтому так важно открыть глаза интеллигенции на истинное положение вещей, и в частности—на её место в нашей жизни. Нужно заставить её вспомнить, что она всё-таки русская в своей основе.

— И поэтому в «Диктатуре интеллигенции» вы приводите строфу из Андрея Вознесенского:

*Есть русская интеллигенция.
Вы думали, нет? Есть!
Не масса индифферентная,
а совесть страны и честь.*

Обычно продвинутые почвенники цитируют Юрия Кузнецова или Станислава Куняева. Однако примечательно, что Вознесенский употребил

словосочетание «русская интеллигенция». Не российскийская, а русская. И вы эту цитату предпочли...

— Потому что сам он, несмотря на своё окружение, был русским поэтом.

— *А в кремлёвском окружении кого, на ваш взгляд, можно сегодня отнести к подпадающим под определение Вознесенского?*

— Ни в коем случае не отвечу на ваш вопрос по той простой причине, что моя положительная характеристика может плохо сказаться на карьере этих людей...

— *И всё-таки, выступая на лекции в Перми, вы назвали две фамилии. Носитель одной из них мне лично весьма симпатичен, как, собственно, и вам. Это Сергей Иванов, в прошлом глава администрации президента России. Помнится, меня впечатлило, как в бытность ещё министром обороны он огласил с телеэкрана исчерпывающую формулировку воздействия нынешнего ТВ на несколько поколений наших сограждан: «Дебилизация всей страны». А вторая фигура — бывший вице-премьер Дмитрий Rogozin, ныне стоящий у штурвала Роскосмоса...*

— Тут, вообще, терять, конечно, нечего: все знают, что Rogozin вошёл в политику именно как русский националист. Хотя, прямо скажем, к нему сложное отношение и у националистов, и у их противников. Однако приведу такой пример, о котором может быть, знают немногие. Если опять-таки возвратиться к событиям на Болотной площади, то те организаторы тогдашнего стояния, которые мечтают о либеральном реванше, сначала послали послов именно к Rogozinu и предложили ему возглавить это протестное движение. Мол, ты же, Дима, признаёшь капитализм? И не против частной собственности? Давай к нам! Когда он их послал, после этого они обратились к Навальному.

Во-первых, эта история свидетельствует о том, как востребована русская идея в политических кругах, как необходима она даже либералам, чтобы

прикрыть своё истинное лицо, и как нелепо и глупо поступили те русские националисты, которые повелись на эту приманку, приняв участие в митингах на Болотной. А во-вторых, это позитивно характеризует Rogozina как истинного русского интеллигента, прекрасно понимающего всю эту игру и подоплёку и поступившего так, как он и должен был поступить.

— *Конечно, национализм национализму — рознь. Есть «пещерный национализм, дурацкий и придурочный, который ведёт к развалу нашего государства», как сказал на Валдайском клубе Владимир Путин. И отнёс себя к «самым правильным, настоящим и самым эффективным националистам». И даже определил круг собственных единомышленников: «почти сто сорок шесть миллионов человек». И всё-таки в обществе нашем, особенно у либерального крыла интеллигенции, несмотря на всю её «диктатуру» или, напротив, благодаря той самой «диктатуре», — устойчивая боязнь слова «националист»...*

— Это только в нашем обществе. Потому что во всём мире слова «националист» и «национализм» означают верность и преданность своему народу. И никто в этом не видит ничего дурного. Все прекрасно понимают, что слово «нация» имеет латинский корень «нат» — «род». То есть это приверженность к собственному роду, народу.

У нас нет в русском языке другого слова, которым можно обозначить преданность своему народу. Не стране (это патриот, от слова «патриа» — «родина»), а именно народу. Россия — государственно-политическая ипостась русского народа. Это форма, у которой есть своё содержание — русский народ. Другого содержания у неё нет. Нация первична, государство вторично. Вот когда именующие себя патриотами осознают эту простую истину — что нельзя запрягать телегу впереди лошади, — думаю, тогда они со мной согласятся. Безусловно, я могу себе представить Россию, населённую нерусскими, но это уже будет не Россия.